

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОУСТРОЙСТВО

СЕРГЕЙ БОРИСИВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com
SPIN-код: 8295-9884

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЧУЧАЕВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: moksha1@rambler.ru
SPIN-код: 6778-1871

DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev

УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РСФСР 1918 ГОДА: УРОКИ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства первой, так и оставшейся незавершенной попытки кодификации раннесоветского уголовно-процессуального законодательства — подготовки к февралю 1918 г. проекта Устава уголовного судопроизводства РСФСР. Анализируются причины, повлиявшие на появление такого законопроекта, которые связываются с известными коалиционными договоренностями большевиков и левых эсеров, обусловившими передачу Наркомюста под контроль последних и во многом предопределившими самые первые шаги советской власти в области судоустройства и судопроизводства.

Раскрывается кратко содержание проекта Устава, которое оценивается как имеющее высокую степень преемственности по отношению к дореволюционному законодательству; отмечаются предлагаемые отступления от прежнего порядка уголовного судопроизводства.

Особое внимание обращается на отсутствие в проекте Устава раздела, посвященного досудебному производству. Анализируются правотворческие инициативы, частично связанные с сохранением на определенный период соответствующих положений Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., а частично — предполагающие новые подходы к организации и порядку проведения предварительного расследования. И в этой связи подробно рассматриваются негативные оценки дореволюционной следственной практики и прокурорского надзора за деятельностью судебных следователей.

В результате проведенного исследования формулируется вывод, что вывленные взгляды и правотворческие позиции разработчиков проекта Устава

могут стать хорошим подспорьем в развитии современной правовой доктрины, способствовать полноте и продуктивности научных изысканий в области уголовного судопроизводства, в первую очередь помочь в решении актуальных на сегодняшний день вопросов о форме и содержании механизмов предварительного расследования. Отмечается, что результаты исследования способны устранить, по крайней мере существенно пошатнуть, укоренившуюся в постсоветских публикациях и вызванную вполне понятными причинами иллюзию об абсолютном совершенстве и непогрешимости существовавшей до революции судебно-следственной модели досудебного расследования, об исключительном профессионализме, честности и порядочности русских судебных следователей, прокуроров и др. Кроме того, говорится, что высказанные разработчиками проекта Устава уголовного судопроизводства РСФСР идеи могут стать хорошими аргументами в ведущейся на протяжении последних лет дискуссии о сохранении / изменении существующего порядка выдвижения в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии как предмета последующего судебного разбирательства. И в этой связи авторы настоящей статьи выражают надежду на востребованность результатов проведенного исследования.

Ключевые слова: декрет о суде, история уголовного судопроизводства, предварительное расследование, предварительное следствие, прокурорский надзор, следственные комиссии, уголовная юстиция, уголовное судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com
SPIN code: 8295-9884

ALEXANDR I. CHUCHAEV

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation.
E-mail: moksha1@rambler.ru
SPIN code: 6778-1871

CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RSFSR OF 1918: LESSONS OF HISTORY

Abstract. The article deals with the facts of the first attempt to codify the early Soviet criminal procedure legislation, which remained unfinished. The preparation

in February 1918 of the draft Charter of Criminal Procedure of the RSFSR is analyzed. The reasons that influenced the appearance of this bill are analyzed. These reasons are connected with the well-known political agreement, according to which the Department of Justice of Soviet Russia came under the control of the Left Socialist Revolutionary Party, in connection with which the very first movements of the Soviet government in the field of judiciary and legal proceedings were determined.

The summary of the draft Charter is disclosed. It is assessed as a document that had a high degree of continuity in relation to pre-revolutionary legislation; the proposed deviations from the previous order of criminal proceedings are noted.

Particular attention is drawn to the absence in the draft Charter of a section devoted to pre-trial proceedings. Law-making initiatives are analyzed, which are partly related to the temporary preservation of the relevant provisions of the Charter of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864, and in the rest, they suggest new approaches to the organization and procedure for conducting a preliminary investigation. And in this regard, negative assessments of pre-revolutionary investigative practice and prosecutor supervision of the activities of judicial investigators are considered in detail.

As a result of the study, the conclusion is formulated that the views and law-making positions of the developers of the draft Charter can be a good help in the development of modern legal doctrine, help the completeness and productivity of scientific research in the field of criminal justice, first of all, help in solving current issues about the form and the content of the preliminary investigation mechanisms. It is noted that the results of the study are able to eliminate, at least significantly, the illusion that exists in post-Soviet publications and is caused by quite understandable reasons about the absolute perfection and infallibility of the judicial-investigative model of pre-trial investigation that existed before the revolution, about the exceptional professionalism, honesty and decency of Russian forensic investigators, prosecutors, etc. In addition, it is said that the ideas expressed by the developers of the draft Charter of Criminal Proceedings of the RSFSR can become good arguments in the ongoing discussion over the past years about maintaining / changing the existing procedure for making a criminal law claim against the accused as the subject of subsequent trial. And in this regard, the authors of this article express the hope that the results of the study will be in demand.

Keywords: decree on court; history of criminal proceedings; preliminary investigation; preliminary investigation; prosecutor supervision; commissions of inquiry; criminal justice; criminal justice; Charter of criminal justice

1. Введение

Некоторое время назад юридическая общественность отметила столетие с момента проведения известной Судебной реформы РСФСР 1922 г. — фундаментальных преобразований раннесоветской правовой системы, судебных и правоохранительных органов, обусловленных завершением революционных потрясений, окончанием иностранной интервенции, Гражданской войны, возрождением «мирных» форм и методов государственного управления, постепенным восстановле-

нием экономики, возникновением предпосылок для воссоздания полноценной законодательной базы, реставрацией понятия «закон», категории «законность» и целым рядом других факторов¹. Как известно, Реформа выразилась в упразднении экстренно сформированных органов революционной, в первую очередь трибунальной, юстиции, в ликвидации поспешно введенных, явно не рассчитанных на продолжительное использование и постоянно корректируемых «декретных» правилах судостройства и судопроизводства, в построении полноценной судебной системы, в учреждении советской прокуратуры, адвокатуры, нотариата, других важнейших правовых институций, в принятии целого ряда кодифицированных законодательных актов, в том числе первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР². Причем содержание Реформы было далеко не случайным — с одной стороны, она отразила самые передовые на тот момент достижения правовой доктрины и положительный опыт Российской империи, тогда как с другой — ее разработчики не оставили без внимания почти пятiletнюю практику применения первых «судебных» декретов советской власти, а также сопутствующие ей попытки формирования новой системы революционной юстиции, в частности, постарались учесть допущенные ошибки и перегибы, зачастую приводившие к полному обесцениванию процессуальной формы и абсолютному игнорированию каких-либо юридических гарантий надежности предполагаемых результатов. Одной из таких попыток и посвящается настоящая статья.

2. Проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР

Предшествующий Судебной реформе период достаточно хорошо исследован специалистами по истории раннесоветского государства и права; подробно описан в научной и учебной литературе. Наверное, в настоящее время каждому ученому-правоведу, студенту юридического либо исторического вуза или просто интересующемуся указанными вопросами дилетанту должно быть хорошо известно, что в первые месяцы существования советской власти порядок производства по уголовным делам преимущественно устанавливался так называемыми

¹ См.: *Трайнин А.Н.* О революционной законности // *Право и жизнь.* 1922. № 1. С. 5–8; *Бранденбургский Я.Н.* Просто законность или революционная законность? // *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 31/32. С. 2; *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 49 и др.

² Подробнее см.: *УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия)* / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2023. С. 44–55.

мыми Декретом о суде № 1³ и Декретом о суде № 2⁴. И если первый, будучи принятым практически сразу после Октябрьской революции, лишь намечал самые общие контуры планируемых преобразований и сводился к нескольким кратким тезам, то второй уже определял достаточно четкие механизмы работы учреждений уголовной юстиции, по крайней мере настолько, насколько это вообще было возможно в сложившейся ситуации⁵. На протяжении нескольких последующих месяцев данный правовой акт фактически использовался в качестве «временных Основ уголовного судопроизводства» и потерял свое первостепенное значение лишь после принятия в ноябре 1918 г. очередного «судебного» декрета — Положения о народном суде РСФСР⁶.

Кроме того, многим известно, что разработка Декрета о суде № 2 находилась в зоне сильного влияния левых социалистов-революционеров (эсеров) и осуществлялась под общим руководством члена этой партии И.З. Штейнберга, занимавшего в конце 1917 г. — начале 1918 г. пост Народного комиссара юстиции РСФСР. Ведь в силу известных коалиционных договоренностей «портфель» юстиции в сформированном после революции Совете народных комиссаров (Совнарком) практически сразу достался левым эсерам. Именно они во многом и определили вектор самых первых преобразований в области судоустройства и судопроизводства. Тогда как большевики изначально вообще не намеревались осуществлять поспешных шагов в данном сегменте государственного администрирования, поэтому стали принимать известные экстренные меры лишь ввиду наблюдавшегося саботажа судей, прокуроров, других «служителей юстиции» и угрозы абсолютного правового хаоса⁷. В этой связи многие положения Декрета о суде № 2 были обусловлены левоэсеровскими представлениями

³ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О Суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁵ Подробнее см.: *Россинский С.Б.* Декрет о суде № 2 как «временные основы уголовного судопроизводства» Советской России (к 105-летию с момента принятия) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 189–192.

⁶ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁷ См.: *Стучка П.И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: Сб. статей (1917–1913). М., 1931. С. 35; *Ростовский И.А.* Как работал народный суд в 1918 году // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 16 и др.

о механизмах предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, предполагающими достаточно высокую степень преемственности по отношению к дореволюционному порядку уголовно-процессуальной деятельности.

Однако замыслы по реализации подобных идей не ограничивались лишь декретным правотворчеством. На самом деле представители левоэсеровской партии вынашивали более глобальные планы. Они намеревались в достаточно сжатые сроки разработать и ввести в действие новый Свод законов русской революции (Свод законов РСФСР) — систематизированный «пакет» кодифицированных нормативных актов, посвященных известным на тот момент правовым отраслям. Для этого в Народном комиссариате юстиции РСФСР (Наркомюсте) даже был создан специальный кодификационный отдел, переданный в ведение левому эсеру А.А. Шрейдеру⁸.

В частности, к середине февраля 1918 г. был подготовлен проект *Устава уголовного судопроизводства РСФСР*⁹. По замыслам разработчиков он предполагался для установления единой процессуальной формы предварительного расследования и судебного разбирательства по всем категориям уголовных дел, в том числе по делам, отнесенным к компетенции революционных трибуналов и действующих при них следственных комиссий. Другими словами, им планировалось заменить формально никем не отмененный, но фактически уже не применяемый Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.

Правда, подготовленный документ не обладал полноценным комплексом свойств кодифицированного источника процессуального права — он не характеризовался «эффектом полноты», выраженным в нормативной самодостаточности, т.е. в оснащенности всеми необходимыми для соответствующей формы процессуальной деятельности предписаниями, запретами, дозволениями, в отсутствие потребности обращаться к другим, как бы внешним источникам права¹⁰. В реальности внесенный для рассмотрения в Наркомюсте проект нового Устава вообще не предусматривал раздела, посвященного предварительному следствию, а ограничивался лишь предполагающими высокую степень преемственности, порой даже абсолютное тождество

⁸ См.: План работы Народного Комиссариата Юстиции // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 171.

⁹ См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 1–37.

¹⁰ См.: *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. М., 2007. С. 167.

по отношению к «царскому» законодательству¹¹ общими положениями уголовно-процессуального права и нормами, определяющими судебное и постсудебное производство по уголовному делу: устанавливал правила подсудности, судебного разбирательства, вступления приговора в законную силу и его исполнения, условия выдачи преступников иностранным государствам и т.д. Хотя и в этих фрагментах тоже наблюдались достаточно серьезные отступления от прежнего порядка. Например, в силу понятных причин отсутствовали разделы, посвященные работе мировой юстиции (производству в мировых судебных установлениях), особенностям проведения судебных заседаний по уголовным делам с участием духовенства, по уголовным делам о государственных, должностных преступлениях и т.д. Одновременно вносились существенные коррективы в составы судов: суд с участием присяжных не предусматривался; вместо него вводился судебный состав, предполагающий «профессионального» судью (постоянного члена суда) и приглашаемых посредством специальной процедуры народных заседателей (12 основных и двоих запасных).

С досудебным производством все обстояло намного сложнее. По всей вероятности, разработчики проекта Устава изначально предполагали разделить процесс его подготовки, принятия и введения в действие на два или даже несколько этапов: уже существующую часть документа незамедлительно «запустить в работу», а к оставшимся положениям возвратиться в более «спокойное» и подходящее время. В этой связи к документу прилагался проект еще одного нормативного акта — постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ВЦИКа), предполагающего использование в переходный период — «впредь до введения Устава уголовного судопроизводства РСФСР в полном объеме» — дореволюционного порядка предварительного следствия¹².

Вместе с тем абсолютное сохранение прежнего порядка досудебного производства в неизменном виде авторам проекта Устава представлялось совершенно невозможным, недопустимым ни при каких условиях. Поэтому в проекте указанного постановления ВЦИКа одновременно предусматривался ряд существенных поправок во временно

¹¹ В этой связи следует обратить внимание, что каждая статья проекта нового Устава сопровождалась специальной пометкой, отсылающей к аналогичной статье прежнего Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1964 г.

¹² См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 43–50.

не подлежащий отмене Раздел второй Книги второй Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. В первую очередь такие поправки были связаны с активно продвигаемыми партией левых эсеров идеями об упразднении существующих с 1860 г. судебных следователей как единоличных, наделенных индивидуальной юрисдикционной правосубъектностью участников уголовно-процессуальных правоотношений и передаче соответствующих полномочий в коллегиальное ведение следственных комиссий. Исходя из приложенной к проекту постановления ВЦИКа пояснительной (в терминологии тех лет — объяснительной) записки руководителя (главного редактора) кодификационного отдела Наркомюста А.А. Шрейдера и его заместителей Н.Ф. Тераевича, Н.К. Змирлова от 19 (6) февраля 1918 г.¹³, указанные идеи предопределялись весьма негативной оценкой практики работы российских судебных следователей — как извратившей смысл судебной реформы 1860-х гг. и не оправдавшей возложенных надежд¹⁴.

В частности, отмечалось, что замыслы императора Александра II и других инициаторов реформы были направлены на появление подлинно самостоятельных и независимых судебных следователей, процессуально подконтрольных лишь окружному суду, на введение данного института как краеугольного камня правосудия, изначально способствующего исчезновению из практики уголовного судопроизводства «гоголевской волокиты», «кривды», других присущих ей деструктивных черт, тогда как в реальности подобных позитивных результатов добиться не удалось. Причем причины указанных неудач А.А. Шрейдер, Н.Ф. Тераевич и Н.К. Змирлов во многом связывали с механизмами прокурорского надзора (в терминологии тех лет — наблюдения за ходом следствия). Заявлялось, что, изначально «будучи достойным помощником», действительно содействующим установлению истины, прокурорский надзор со временем превратился в инструмент подавления самостоятельности и независимости судебных следователей.

Одновременно указывалось, что пронизанные идейно-общественным подъемом 1860-е гг. способствовали воспитанию ряда выдающихся, ставших весьма близкими к народу, буквально слугами народа, и заслуживших должный авторитет судебных следователей, однако

¹³ См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 38–42.

¹⁴ Один из авторов пояснительной записки — Н.Ф. Тераевич — до революции сам работал судебным следователем 2-го участка Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (в наст. время — это Сысольский район Республики Коми).

«с легкой руки министра юстиции — генерал-прокурора Н.В. Муравьева началось изумительное искажение Судебных уставов». Говорилось о появлении исправляющих должности (в современной терминологии — исполняющих обязанности) судебных следователей, подлежащих отстранению от работы, переводу на другое место службы и т.д. не по собственному желанию или решению окружного суда, а по указанию назначавшего их министра; упоминалось и об учреждении должностей важнейших и особо важных следователей, избираемых не в установленном для участкового следователя порядке, а общим собранием всех отделений окружных судов по сугубо формальным основаниям. Кроме того, подчеркивалось, что таким следователям обычно и поручались наиболее громкие, в первую очередь политические, процессы, а выбор одного из них для участия в том или ином уголовном деле находился в ведении прокуратуры во главе с все тем же министром юстиции — генерал-прокурором. И в этой связи высказывались весьма негативные оценки прокурорского надзора как деятельности, постепенно потерявшей свой высокоидейный характер и ставшей не только близкой, но и прямо зависимой от административной власти. Отдельно говорилось о распространенности шаблонных обвинительных актов, нередко не соответствующих результатам предварительного следствия, о разрастании практики «бесцельного и напрасного» возвращения прокурорами уголовных дел следователям, в первую очередь для маскировки пропущенных сроков направления материалов законченного досудебного производства в суд, т.е. уклонения от ответственности за свои неправомерные действия и т.д.

В итоге авторы пояснительной записки к проекту постановления ВЦИКа пришли к неутешительным выводам: а) об ухудшении качества уголовного правосудия в целом и предварительного следствия в частности; б) о возвращении в правоприменительную практику «медлительности, волокиты и даже кривды», в) об утрате правосудием народного доверия и ценности как юридического регулятора жизнедеятельности; г) о необходимости «незамедлительного строительства на развалинах разрушенного революцией суда нового храма Правосудия». Они справедливо полагали, что возможность успешного осуществления предлагаемых преобразований находится в прямой зависимости от уразумения действительных потребностей времени и принятия во внимание не только сугубо теоретических соображений, но и накопленного опыта, исторических традиций и практических данных, в связи с чем разумно настаивали на безусловном со-

хранении подготовительной стадии уголовного процесса в форме предварительного следствия.

Вместе с тем они считали, что такую деятельность можно доверить лишь коллегиальному субъекту уголовного судопроизводства — специальной следственной комиссии, состоящей из трех избираемых народом представителей. Кроме того, отмечалось, что следственные комиссии надлежит раз и навсегда избавить от вмешательства административной власти и зависимости от прокурорского надзора, а по политическим делам — от жандармской полиции. Взамен предлагалось активнее привлекать к сотрудничеству, в том числе к участию в безотлагательной охране следов преступления, государственные и общественные учреждения, включая рабочие, солдатские и крестьянские организации и комитеты, т.е. «новые и весьма неприятные для капиталистов и преступников ячейки» советского социума.

Коллегиальность работы следственных комиссий оценивалась как важнейшее условие, уберегающее от промахов и ошибок, от неверных решений о лишении свободы, проведении обысков, других весьма обременяющих граждан процессуально-принудительных мер. Одновременно говорилось о необходимости отвыкнуть от практики составляемых по шаблонам прокурорских обвинительных актов и их утверждения обвинительными камерами, зачастую занимавшимися лишь бездумным «штемпелеванием» указанных документов; также обращалось внимание на бессмысленность, «непроизводительность» и необоснованную длительность передачи окончанных производством предварительных следствий по инстанциям: от следователя — к участковому товарищу прокурора, от него — к прокурору суда, затем через руки камерного товарища прокурора — к прокурору Палаты, и лишь потом — в суд посредством все тех же механизмов прокурорского надзора.

Вместо этого предлагалось предоставить возможность направления уголовного дела в суд самой следственной комиссии, наделив ее правом составления соответствующего постановления с изложением в нем необходимых для судебного разбирательства сведений. Таким образом авторы рассчитывали сократить сроки досудебного производства, обеспечить возможность выявления и быстрого устранения допущенных в ходе предварительного следствия дефектов и погрешностей, оперативного дополнения проведенного расследования, не ожидая соответствующих указаний прокуратуры. Этим же планировалось не допускать существовавших до революции трудностей, связанных с недостаточным профессионализмом и неопытностью многих прокурорских работников. И, наконец, предлагаемый подход, по мнению авторов, должен был

способствовать большей продуктивности обеспечения обвиняемому права на защиту как необходимого условия осуществления правосудия в демократическом государстве, «важного рычага, могущего повернуть жизнь в недалеком будущем в лучшую сторону».

Ввиду невыясненных обстоятельств разработаный в начале 1918 г. проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР так и не был воплощен в жизнь — обнаружить какие-либо сведения, объясняющие отказ советского правительства, в частности, еще подконтрольного на тот момент партии левых эсеров Наркомюста, от намерений довести начатую работу до логического завершения, не представилось возможным. В этой связи остается лишь, приняв во внимание общеизвестные историко-правовые факты, связанные с первыми месяцами существования советской власти, выдвинуть некоторые научные гипотезы. Например, можно предположить, что подобный исход явился прямым следствием ожесточенной политической борьбы, т.е. был изначально предопределен уже вполне прогнозируемым расколом возникшей несколькими месяцами ранее коалиции большевиков и левых эсеров, приведшим к отстранению последних от участия в управлении государством и известному июльскому мятежу 1918 г. Вполне вероятно еще одна версия, объясняющая отказ от принятия Устава осознанием Наркомюстом, Совнаркомом или ВЦИКом поспешности, несвоевременности реализации столь серьезных правотворческих инициатив либо уразумением недоработанности, образно говоря, сырости внесенного проекта. Нельзя исключать и каких-то других обстоятельств, повлиявших на снятие проекта Устава с текущей повестки.

В любом случае ясно одно: примерно в конце февраля — начале марта 1918 г. было решено на некоторое время отказаться от реализации глобальных планов новой кодификации уголовно-процессуального права и ограничиться принятием очередного «судебного» декрета — Декрета о суде № 2, более или менее подробно раскрывающего правила расследования и судебного разбирательства уголовных дел и, кстати, отразившего многие левозэсеровские идеи о развитии уголовной юстиции, правда, в весьма урезанном виде. Ясно и другое: вскоре советское правительство начало постепенно отворачиваться от этих идей, объявленных «мелкобуржуазными предрассудками»¹⁵. Например, одно из главных процессуальных «детей» левых эсеров — предусмотренные Декретом о суде № 1 и Декретом о суде № 2 след-

¹⁵ См.: *Тимашев Н.С.* Судостроительство // *Право советской России: Сб. статей* / Под ред. Е.А. Ляцкого. Вып. 2. Прага, 1925. С. 215.

ственные комиссии были упразднены уже в октябре 1920 г., а предварительное следствие вновь попало в компетенцию единоличных субъектов — народных следователей¹⁶. Кстати, в этой связи напрашивается достаточно интересный вывод: реализованные еще в Декрете № 1 предложения об учреждении следственных комиссий изначально были не большевистскими (как об этом часто заявляется в учебной литературе), а именно левоэсеровскими, тогда как большевики, наоборот, быстро уразумев несуразность и неприемлемость такой конструкции, фактически реанимировали классические подходы к следственной правосубъектности.

Справедливости ради необходимо обратить внимание, что некоторым отраженным в проекте Устава новациям все же повезло намного больше — они не только не были отвергнуты после отстранения партии левых эсеров от власти, а получили официальное законодательное признание, впоследствии прочно укоренившись в советской и даже постсоветской правоприменительной практике. Например, таковой стала вышеупомянутая идея об изъятии полномочий по формулированию позиции государственного обвинения (обвинительного тезиса) и составлению обвинительного акта (заключения) из компетенции прокурора и их возложении на следственный аппарат — в настоящее время она воспринимается уже как само собой разумеющаяся аксиоматическая данность.

3. Выводы

Проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР не оставил в истории отечественного государства и права никаких ощутимых следов. Да и вообще, сам факт его подготовки долгое время оставался практически неизвестным и надлежаще не исследованным — лишь вскользь упоминался в нескольких научных публикациях¹⁷. Вместе с тем выявленные в настоящей статье взгляды и правотворческие позиции его разработчиков, а также критические оценки некоторых положений уголовно-процессуального законодательства и соответствующей правоприменительной практики Российской империи, по всей вероятности, могут стать хорошим подспорьем в развитии современной право-

¹⁶ Подробнее см.: УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / Под ред. А.И. Чучаева. С. 39.

¹⁷ См., например: Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4 (32). С. 138.

вой доктрины, поспособствовать полноте и продуктивности научных изысканий в области уголовного судопроизводства, в первую очередь помочь в решении весьма актуальных на сегодняшний день вопросов о форме и содержании механизмов предварительного расследования.

В частности, представляется, что они способны устранить, по крайней мере существенно пошатнуть, укоренившуюся в постсоветских публикациях и вызванную вполне понятными причинами иллюзию об абсолютном совершенстве и непогрешимости существовавшей до революции судебно-следственной модели досудебного расследования, об исключительном профессионализме, честности и порядочности русских судебных следователей, прокуроров, других «служителей» уголовной юстиции. Иными словами, подобные взгляды и оценки могут оказать неоценимое содействие в столь необходимом отказе от научных идеализаций как самого Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., так и практики его применения, одновременно подтолкнув многих современных авторов к более прагматичным и жизнеспособным позициям о перспективах дальнейшего развития национальной системы досудебного производства.

Кроме того, высказанные левозесеровскими разработчиками проекта Устава уголовного судопроизводства РФСР идеи могут стать хорошими аргументами в ведущейся на протяжении ряда последних лет дискуссии о сохранении / изменении существующего порядка выдвижения в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии как предмета последующего судебного разбирательства, в частности, использовать при обосновании необходимости либо, наоборот, ненужности предлагаемой некоторыми учеными передачи всех связанных с реализацией функции обвинения государственно-властных полномочий в ведение прокурора¹⁸, в том числе исключения механизма досудебного привлечения к уголовной ответственности из орбиты предварительного следствия и ее возведения в ранг самостоятельной и полноценной стадии российского уголовного процесса¹⁹. Ведь именно с их (левых эсеров) легкой руки дореволюционные прокурорские полномочия по вынесению обвинительных актов сначала были пере-

¹⁸ См.: *Баранов А.М., Наумов К.А.* Предъявление обвинения — исключительная функция прокурора // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 13–14.

¹⁹ См.: *Ковтун Н.Н.* Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 135.

даны следственным комиссиям, а затем постепенно трансформировались в существующие по сей день процедуры привлечения в качестве обвиняемого и составления обвинительного заключения.

Рассмотренные взгляды и правотворческие позиции могут способствовать и решению многих других проблем современной доктрины и законодательного регулирования уголовного судопроизводства. И в этой связи авторам настоящей статьи остается лишь надеяться на востребованность результатов проведенного научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4 (32). С. 136–155.

Баранов А.М., Наумов К.А. Предъявление обвинения — исключительная функция прокурора // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 11–14.

Бранденбургский Я.Н. Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31/32. С. 1–2.

Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1927.

Кабриак Р. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007.

Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.

Росинский С.Б. Декрет о суде № 2 как «временные основы уголовного судопроизводства» Советской России (к 105-летию с момента принятия) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 185–193.

Ростовский И.А. Как работал народный суд в 1918 году // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 16–17.

Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: Сб. статей (1917–1913). М.: Государственное юридическое издательство, 1931.

Тимашев Н.С. Судостроительство // Право советской России: Сб. статей / Под ред. Е.А. Ляцкого. Вып. 2. Прага: Легиография, 1925. С. 213–244.

Трайнин А.Н. О революционной законности // Право и жизнь. 1922. № 1. С. 5–8.

УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023.

REFERENCES

Antonova, L.I. (2008). Revolyucionnaya kodifikaciya zakonodatel'stva RSFSR (1920–1930-e gg.) [Revolutionary codification of the legislation of the RSFSR (1920–1930s)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problem gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Management consulting. Current problems of state and municipal management], 4 (32). pp. 136–155. (in Russ).

Baranov, A.M. and Naumov, K.A. (2022). Pred»yavlenie obvineniya — isklyuchitel'naya funkciya prokurora [Bringing charges is the exclusive function of the prosecutor]. In: *20 let deistviya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: uroki i perspektivy: tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [20 years of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: lessons and prospects: abstracts of reports and messages of the international scientific and practical conference]. Omsk: Omskayaakademiya MVD Rossii, pp. 11–14. (in Russ).

Brandenburgskiy, Ya.N. (1922). Prosto zakonnost' ili revolyucionnaya zakonnost'? [Just legality or revolutionary legality?]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly of Soviet Justice], 31/32, pp. 1–2 (in Russ).

Chuchaev, A.I. ed. (2023). UPK RSFSR1922 goda — perviy sovetskiy processual'nyy Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya) [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 — the first Soviet procedural Code (on the 100th anniversary of its adoption)]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN. (in Russ).

Kabriyakov, R. (2007). *Kodifikatsii* [Codifications]. Translated from French by L.V. Golovko. Moscow: Statut. (in Russ).

Kovtun, N.N. (2019). Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii [Formation of state prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia]. *Zhurnal rossiysskogo prava* [Journal of Russian Law], 9, pp. 123–137. (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2023). Dekret o sude № 2 kak «vremennye osnovy ugolovnogo sudoproizvodstva» SovetskoyRossii (k 105-letiyu s momenta prinyatiya) [Decree on the Court No. 2 as “temporary foundations of criminal proceedings” of Soviet Russia (on the 105th anniversary of its adoption)]. *Nauchniy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova], 1(94), pp. 185–193. (in Russ).

Rostovskiy, I.A. (1922). Kak rabotal narodniy sud v 1918 godu [How the people's court worked in 1918]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Soviet Justice Weekly]. 44/45, pp. 16–17. (in Russ).

Stuchka, P.I. (1931). *13 let bor'by za revolyucionno-marksistskuyu teoriyu prava: sb. statey (1917–1913)* [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law: collection. articles (1917–1913)]. Moscow: Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo. (in Russ).

Timashev, N.S. (1925). Sudoustroystvo [Judicial system]. In: Lyatskiy E.A. ed. *Pravo sovetskoy Rossii: sb. statey* [Law of Soviet Russia: collection. articles]. Vol. 2. Praga: Legeografiya, pp. 213–244. (in Russ).

Traynin, A.N. (1922). O revolyucionnoy zakonnosti [On revolutionary legality]. *Pravo i zhizn'* [Law and Life], 1, pp. 5–8. (in Russ).

Vyshinskiy, A.Ya. (1927). *Kurs ugolovnogo processa* [Criminal procedure course]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta RSFSR. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

Чучаев Александр Иванович — заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

AUTHORS' INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences, doctor of law, associate professor.

Alexandr I. Chuchaev — head of the criminal law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences, doctor of law, professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б., Чучаев А.И. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2023. Т. 18. № 6. С. 160–175. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B., Chuchaev, A.I. (2023) Charter of Criminal Proceedings of the RSFSR of 1918: Lessons of History. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 18(6), pp. 160–175. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev